

Литература

Батюшков К. Н. Соч.: в 2 т. / К.Н.Батюшков. – Т.1. – М.: Худ. лит., 1989.

Державин Г. Р. Сочинения / Г.Р.Державин. – СПб: Академический проект, 2002.

Капнист В. В. Избранные произведения / В.В.Капнист. – Л.: Сов.писатель, 1973.

Левченко Я. «Грифельная ода» О. Э. Мандельштама как логодицея / Я.Левченко // Критика и семиотика. – Вып.8. – 2005. – С.197–212.

Мандельштам О. Э. Полн. собр. Стихотворений / О.Э.Мандельштам. – СПб.: Академический проект, 1995.

Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. / Ф.И.Тютчев. – Т.1. – М.: Наука, 1965.

Ходасевич В. Ф. Стихотворения / В.Ф.Ходасевич. – Л.: Сов.писатель, 1989.

Некоторые размышления над темой «А. П. Чехов и Г. Р. Державин»

Н.Ф.Иванова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Новгород)

Ключевые слова: Чехов, Державин, цитаты, знак культурного языка

Тема «Чехов и Державин» на первый взгляд напоминает одну запись из «Записных книжек» А. П. Чехова: «Тургенев и тигры» – такие статьи писать можно, и они пишутся» [Чехов 1987, 17: 86]. На самом деле эта тема может быть поставлена хотя бы потому, что в текстах А. П. Чехова есть упоминания имени Г. Р. Державина, фактов его биографии, строк из его произведений.

Что мог и должен был знать А. П. Чехов, окончивший классическую гимназию, о Г. Р. Державине?

По воспоминаниям Ал. П. Чехова о состоянии ученической библиотеки в Таганрогской гимназии известно, что «в этой библиотеке не было ничего, если не считать нескольких книг по богословию, которых, конечно, мы юнцы, не читали. Затем следовали Хомяков, Сумароков, Херасков, Мерзляков, Державин, Жуковский <...> Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и Тургенева внесли в каталог и поставили на полки уже позднее...» [Таганрог и Чеховы 2003: 155]. Книги поэта Г. Р. Державина стояли не в самом популярном ряду читаемой литературы¹.

¹ В методической литературе в это время возникает полемика о необходимости изучения «старых» писателей, их биографий и произведений. Известный педагог М. Ф. Де-Пуле в

Тщательный просмотр учебников и хрестоматий по русской словесности убеждает, что биография и произведения Г. Р. Державина изучались гимназистами в достаточно большом объёме¹, а просмотр программ по словесности для испытания на аттестат зрелости, составленных в разные годы преподавателями разных гимназий, позволяет сделать выводы, что они были, в принципе, типичными: «Державин. Его биография и личность», «Биография Державина (1743-1816), певца Екатерины II», «Литературная деятельность Державина (1770-1816)», «Державин как поэт», «Взгляд на литературу и поэзию Державина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова», «Г. Р. Державин и его оды», «Ода Державина «Бог», «Философская ода «На смерть князя Мещерского» как отражение ужаса людей 18 века перед смертью», «Значение Державина» и т. д. Примерный объём знаний любого гимназиста чеховской поры, учившегося по одним и тем же программам, учебникам, можно представить. Фигура поэта Державина была и узнаваема, и в какой-то мере знаковой – известный поэт XVIII века.

Не случайно в рассказе «Жёны артистов. (Перевод... с португальского)» (1880) главный герой, писатель и поэт Альфонсо Зинзага, обращаясь к жене, говорит: «Приехал в Лиссабон русский писатель Г. Р. Державин, и мне нужно будет завтра утром сделать ему визит» [Чехов 1983, 1: 61], и несколько позднее, оправдываясь перед ней же за то, что написал роман, который она уже читала, бросает другую реплику: «...я сейчас только узнал от русского писателя Г. Р. Державина, который приехал

1869 году писал: «Научное знакомство со старыми писателями, с отразившеюся в их произведениях жизнью, должно действовать самым успокоительным, охлаждающим образом, оно даёт не образцы, не назидания, а твёрдую опору, почву, необходимую каждому благоустроенному обществу в его поступательном движении <...> В старом писателе если не отражаются ярко бытовые черты его времени, то непременно уже высказывается дух эпохи, идеалы, стремления и т. п. его современников; самые биографические подробности о писателе важны для характеристики эпохи, в которую он жил. Все эти сведения добываются изучением истории литературы» [Де-Пуле 1869:12-13]. И далее, поясняя это положение, вспоминает о Державине как певце Бога и Фелицы, как действительно «замечательно полного выразителя главнейших событий Екатерининского века, по духу своему и направлению, по языку, по стилю...» [Де-Пуле 1869: 15, 20]. Проблема отношения к классической литературе была актуальна и в чеховское время.

¹ Наиболее популярным был учебник «История русской словесности, древней и новой» А. Д. Галахова, в 2тт., изданный в Петербурге в 1863 -1875 гг. И сегодня § 225 галаховского учебника, посвящённый творчеству и биографии Державина, читается легко и с интересом, в нём 18 произведений Державина с отличным комментарием: «Ода на знатность», «Песнь Петру Великому», «На смерть князя Мещерского», «На рождение в севере порфиродного отрока», «Фелица», «Видение Мурзы», «Бог», «Осень во время осады Очакова», «На счастье», «Описание торжества по случаю взятия Измаила», «Водопад», «Памятник герою», «Вельможа», «Мой истукан», «Приглашение к обеду», «Памятник», «Атаману и войску Донскому», «Жизнь Званская». И другие учебники чеховского времени по истории русской словесности (Е. Судовщикова (Киев, 1863), К. Петрова (СПб., 1873), Н. Греча (СПб., 1822) предлагали к изучению большое количество произведений Державина и содержали их готовые анализы (разборы).

вместе с Лермантофф, другим русским писателем, что есть два романа, совершенно не похожие друг на друга и носящие одно и то же имя: «Сомнабула среди океана» [Чехов 1983, 1: 65].

Итак, русский писатель Державин приехал в Португалию, в Лиссабон, вместе с другим русским писателем – Лермантофф, а к ним с визитом собирается португальский писатель Альфонсо Зинзага. Этим нагромождением заведомо невозможного в реальной жизни и смешного А. П. Чехов достигает комического эффекта в рассказе.

Хорошо была известна читающей и образованной публике и биография Г. Р. Державина. Можно было смело обращаться к известным фактам из жизни поэта и быть уверенным, что это будет узнаваемо и вызовет ту ассоциацию или реакцию, на которую рассчитывает пишущий. Так, в «Календаре «Будильника» на 1882 год, март-апрель», 26 марта в разделе «События» А. П. Чехов отмечает: «Именинники: поэт Хрущов-Сокольников, наш подписчик №17037 и покойник Державин» [Чехов 1983, 1: 143]. Чехов заведомо шутит, общего у маститого поэта Державина и прозаика, автора пьес, сотрудника юмористических журналов Хрущова-Сокольникова - только имена.

Обращается писатель в «Осколках московской жизни» 1885 года и к другой дате из биографии Г. Р. Державина: «Для писателей июль несчастный месяц. Смерть своим неумолимым красным карандашом зачеркнула в июле шестерых русских поэтов и одного Памву Берынду» [Чехов 1983, 3: 193]. Эту информацию помогал собирать брат М. П. Чехов, который в письме указывал: «Умершие писатели: 7) Батюшков, 8) Державин, 17) Татищев, 18) Лермонтов, 26) Мерзляков, 31) Новиков» [Чехов 1983, 3: 579]. По иронии судьбы – «смерть своим красным карандашом зачеркнула в июле» и имя самого А. П. Чехова.

Не обошёл вниманием А. П. Чехов и самый известный его современникам факт из биографии поэта – благословение Г. Р. Державиным своего преемника Пушкина. Так, в рассказе «Володя большой и Володя маленький» (1893) писатель, характеризуя отношения героев, обращается к этому событию: «...Ягич приходил от него в восторг и благословлял его на дальнейшее, как Державин Пушкина» [Чехов 1986, 8: 216] – имеется в виду известный эпизод 8 января 1815 года на экзамене в Царскосельском лицее. Чехов не описывает подробно взаимоотношения героев, просто указывает на известную читателю ситуацию и рассчитывает на её узнаваемость.

Неоднократно обращается он и к произведениям Г. Р. Державина, известным читателю ещё с гимназических времён.

Так, в «Осколках московской жизни» за 1885 год от 2 марта писатель, рассказывая о том, как на Московской актёрской бирже проходит «закабаление Синичкина на весь предстоящий сезон» охотящимися антрепренёрами, обращается к изменённой цитате Г. Р. Державина: «На четвёртой неделе – он червь, он раб, он бог! Антрепре-

нёр дождался-таки, пока с его пальцев сползли фальшивые бриллианты, уловил момент, посмотрел в зубы и завербовал» [Чехов 1987,16: 155]. У Г. Р. Державина в оде «Бог»: «Я царь – я раб – я червь – я бог!». А. П. Чехов сознательно видоизменяет хорошо известный читателю текст, ему необходимо не державинское противопоставление, а составление известных образов по линии возрастания (крещендо!), – которое отвечало его замыслу.

Начальные слова оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещёрского» встречаются в мелиховском письме к брату Александру 4 апреля 1893 года: «...наш дядя сильно поддаётся глаголу времён: ослабел, поседел и тихо говорит» [Чехов,1977,П.5:198]. Не случайно в письме о дяде Митрофане Егоровиче Чехов обращается к державинским строкам:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает:
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет – и к гробу приближает...

Цитата эта вошла в повседневный язык, была узнаваема и употреблялась в определённых ситуациях, значила примерно одно и то же, став знаком культурного языка. С одной стороны, уход дяди из жизни символизировал уход целой эпохи, с которой у каждого из Чеховых, особенно у самого писателя, были свои отношения, воспоминания (Державин в сознании Чехова и его современников тоже ведь тоже был уходящей или даже ушедшей эпохой). С другой стороны, всем Чеховым хорошо была известна любовь дяди к высокопарности, витиеватости, поэтичному красивому слову [Кузичева 2004: 20-25], что было свойственно и слогу поэта. В чеховскую эпоху этот стиль и слог ещё полностью не изжил себя. Он только «спустился» ниже – в тот социальный слой, к которому принадлежали старшие Чеховы. Младшие же пародировали его в письмах, разговорах, вышучивали. Именно как шутку этот слог использовали в своём культурном повседневном обиходе выпускники гимназий и университетов. Приятель Чехова, помещик и земский деятель В. Н. Ладыженский 17 февраля 1900 г. Чехову пишет: «Льзя ли, Государь мой, изъяснить радость, коею преисполнились друзья Ваши, услышав Вас академиком. Когда эху об этом в провинцию понесли ведомости, радость сию мог бы воспеть громкозвучною лирою токмо пиит. Но, ах, где лира Г. Р. Державина, действительного статского советника и кавалера и не можно, мню я, Милостивый Государь мой, подъять оную нынешним декадентам...» [Чехов 1980, П.9: 302]¹.

¹Чехов в ответном письме из Ялты 17 февраля 1900 года отвечает: «Здравствуй, милый поэт, ревнитель просвещения, литературный летописец <...> Низко тебе кланяюсь и благодарю за письмо и книжицу! Письмо твоё полно льстиво-величавых выражений...» [Чехов 1980, П.9: 56].

В письме к А. Б. Тараховскому 24 марта 1903 из Ялты Чехов пишет: «...спасибо за «Приазовский край». Я получаю и с удовольствием читаю. Ведь дым отечества, как бы там ни было, да и газета хорошая» [Чехов 1982, П.11: 186]. Известно, что выражение «дым отечества», восходит к стихотворению Г. Р. Державина «Арфа», оно было включено в хрестоматии Галахова, но широкую известность, скорее всего, получило благодаря комедии А. С. Грибоедова.

И об ещё одной державинской цитате, не встречающейся ни в одном учебном пособии чеховского времени.

В пьесе <“Безотцовщина”>, написанной А. П. Чеховым, видимо, в последний год пребывания в гимназии, есть интересная музыкальная цитата. Анна Петровна говорит Платонову: “Теперь уж я тебя не оставлю! <...> не выпущу! <...> Честью не взяла, силой возьму... Люби, коли любишь, а не строй из себя дурачка! Тра-та-та... Звон победы раздавайся...”[Чехов 1985:106]. Здесь нет авторской ремарки, указывающей на пение, но предыдущая ритмическая реплика позволяет услышать маршевую мелодику следующих слов – «Звон победы раздавайся!» Эта строка из державинского «Хора для кадрили», написанного в 1791 году по поводу взятия Измаила и положенного на музыку О. А. Козловским. Несомненно, эта партитура была хорошо известна в чеховское время, исполнялась на парадных собраниях, разучивалась гимназическими хорами. Чехов пел в таганрогском гимназическом хоре [Таганрог и Чеховы 2003:174], возможно, именно там он узнал это произведение, но запомнил с несколько изменённой строкой. Причём запомнил так хорошо, что и в письме к А. С. Суворину 18 декабря 1888 года по поводу удачных переговоров с актрисой Никулиной начинает так: «Звон победы раздавайся, веселися храбрый Росс!» [Чехов 1976: 87].

Не случайно А. П. Чехов в произведениях и письмах самых разных лет неоднократно обращался к Г. Р. Державину. Фигура Г. Р. Державина для современников писателя оставалась ещё хорошо узнаваемой, но для большинства это узнавание ограничивалось набором привычных цитат. В сущности, это был уже не Г. Р. Державин как Державин, а как культурная реальность уходящей эпохи, как единица культурного языка.

Неоднократное обращение писателя к имени Г. Р. Державина, его слову в письмах и произведениях даёт материал, конечно же, не для темы «Чехов и Державин» в привычном толковании (это как раз, наверное, и было бы ближе к «Тургеневу и тиграм»), а для понимания того, как на самом деле в культурном языке происходит закрепление «следов» тех или иных культурных явлений, как меняются литературные репутации и ориентиры.

Литература

Де-Пуле М. Ф. Старые писатели и новые педагогические на них взгляды / М.Ф. Де-Пуле. – СПб., 1869. – 97 с.

Кузичева А. П. Чеховы. Биография семьи / А.П.Кузичева. – М.: «Артист. Режиссёр. Театр», 2004. – 470 с.

Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А. П. Чехова. – Таганрог, ООО «Издательство «Лукоморье», 2003. – 732 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. / А.П.Чехов. – М.: Наука, 1974-1988. Соч.: В 18 т. (1983-1988); Письма: В 12 т. (1974-1983).

Образ Царь-девицы в поэме Г.Р. Державина и в романе Вс.С. Соловьева

С.М.Ляпина

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
(Елец)

Ключевые слова: Державин Г.Р., Соловьев Вс.С., Царь-девица, литературная сказка, исторический роман, фольклорные мотивы

Сказки, где героиней является Царь-девица, послужили источником сюжетов для многих литературных произведений. В XIX столетии мифопоэтический образ Царь-девицы использовали А.С.Пушкин в «Сказке о золотом петушке» (1834), П.П.Ершов в стихотворной сказке «Конек-Горбунок» (1834 (1856)). В 1841 году В.Ф.Одоевский создал пьесу для театра марионеток «Царь-Девница», Я.П.Полонский свое стихотворение балладного жанра назвал «Царь-девица» (1876 (1880?))¹.

Как и многие современники, Г.Р. Державин интересовался фольклором, известным ему непосредственно и в литературных обработках М. Д.Чулкова, М.И. Попова, В.Д. Левшина и др. Это отразилось на некоторых его произведениях позднего периода, в частности: «романс» - поэме «Царь-девица» (1812).

А в последней четверти XIX века русский писатель Вс.С.Соловьев (1849-1903) в историческом романе «Царь-девица» (1878) продолжил традицию использования мифопоэтического образа Царь-девицы, придав облику царевны Софьи Романовой сказочные, иррациональные черты.

Царь-девица является персонажем зарубежных и русских сказок, которые входят в сюжетный тип текстов о молодильных яблоках: русской сказки об Иване-Царевиче и Царь-девице² и других («Жар-птица и Царь-девица», «Луна и звезда», «Молодильные яблоки»).

¹Образ Царь-девицы в русской литературной традиции XIX века становится устойчивым, о чем свидетельствуют такие произведения, как поэма «Царь-девица» Н.Я. Прокоповича, прозаический пересказ сказки, созданный Н. А. Полевым, пьеса П. Д. Голохвастова и др.

² Различные версии этой сказки напечатаны у А.Н. Афанасьева, В.А. Левшина, И.А.